

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Константин
Симонов**

Доброе имя

Константин Михайлович Симонов
Доброе имя
Серия «Библиотека
драматургии Агентства ФТМ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9745219

*Доброе имя:
ISBN 978-5-4467-2317-1*

Аннотация

В центре многонаселенной производственной пьесы «Доброе имя» разногласия коллег по поводу одного из «писем-сигналов», поступивших в редакцию. Толком не разобравшись в сути дела и не послав корреспондента в университет, из которого поступила жалоба на одного из преподавателей, газета поспешила опубликовать едкий фельетон, вследствие которого человек лишился должности. Получив многочисленные письма в поддержку преподавателя от его студентов, журналисты ведут себя по-разному: руководство и часть сотрудников считают, что опровержение фельетона испортит репутацию газеты и не реагируют, другие же – в первую очередь, беспокоятся за судьбу человека, которого они, возможно, оболгали.

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Картина первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Константин Симонов

Доброе имя

Комедия в трех действиях, пяти картинах

Действующие лица

Вера Ивановна Крылова – заведующая отделом писем в областной газете, 30 лет.

Дима – ее сын, 10 лет.

Василий Степанович Широков – разъездной корреспондент газеты, 37 лет.

Петр Петрович Брыкин – друг Широкова, заместитель редактора газеты, 38 лет.

Николай Борисович Черданский – исполняющий обязанности ответственного секретаря газеты, 45 лет.

Антон Андреевич Дорохов – редактор газеты, 45 лет.

Константин Акопович Акопов – заведующий промышленным отделом газеты, 48 лет.

Сергей Сергеевич Санников – литературный сотрудник, 22 лет.

Катя – секретарь отдела писем, 19 лет.

Тамара Филипповна – дежурный секретарь, 55 лет.

Анна Аветиковна – жена Акопова, акушерка, 50 лет.

Таня – жена Брыкина, 27 лет.

Илларион Алексеевич Трапезников – главный режиссер театра, под 60 лет.

Александра Викторовна Трапезникова – его жена, заслуженная артистка республики, 50 лет.

Андрюшин.

Пожилой человек.

Посетитель в очках.

Кронид Иванович Твердохлебов – доцент, геолог, 40 лет.

Место действия – областной город в северной части России.

Время действия – наши дни.

Действие первое

Картина первая

*Однодневный дом отдыха в окрестностях областного города. Двухэтажный оштукатуренный дом. Веранда. Клумбы. Несколько скамеек и шезлонгов. Влево уходит аллея, направо виден штакетный забор, калитка. Вечереет. В шезлонге **Черданский** – крепкий мужчина с живым, подвижным лицом. Напротив него на скамейке **Санников**. Черданский сидит развалясь, с трубкой в зубах. Санников – весь внимание, преданно слушает его.*

Черданский. Всю жизнь мечтал сидеть вот так после обеда, не спеша курить трубку... И не в однодневном доме отдыха, как сегодня, а каждый день. А вместо того всю жизнь жевал редакционные бутерброды и пил редакционные чаи. Но газета – это газета, Сережа, и настоящий газетчик ее не бросает, даже если черствые бутерброды и черствые редактора укорачивают его жизнь. Настоящий газетчик так или иначе умирает в пятьдесят – в буквальном или в переносном смысле слова.

Санников. Ну, вы, Николай Борисович, по-моему, еще лет двадцать будете работать, как зверь.

Черданский (усмехнувшись). Тут? Как зверь? (Набивая

трубку.) Конечно, на здешнем уровне моя старая газетная хватка выглядит чем-то особенным, почти опасным. А я живу тут вот уже десять лет и думаю: семечки! Разве так можно делать даже эту областную газету? Семечки! Курорт!.. *(Вдруг.)* Где у вас сердце?

Санников *(недоуменно прижав руку к груди)*. Здесь.

Черданский. А сердце газеты не имеет определенно-го местопребывания. У газеты блуждающее сердце: оно то здесь, то там. И иногда оно, простите, бьется не в редакторском кабинете, а за скромным столом ответственного секретаря. *(С ироническим полупоклоном.)* Это, как говорится, не для стенограммы, но, пока я жив, получше приглядывайтесь и к моим достоинствам и к моим недостаткам; все вместе взятые они как раз и образуют то, что называется настоящим газетчиком.

Санников. Мне еще учиться и учиться!

Черданский. Ничего! У вас уже появилась газетная хватка. На последней летучке вы неплохо разделали Крылову за эти нудные читательские письма, которые она через мою голову все-таки сунула в газету! Верно выступили!

Санников. Я – как вы посоветовали. *(Вертит в руках трубку.)*

Черданский. Что это вы – перешли на трубку?

Санников *(неуверенно)*. Перехожу понемногу.

Черданский. Тогда возьмите моего табаку. *(Протягивает кисет.)* Газетчик не может знать всего на свете, но взамен

у него должно быть чутье. И тут уж одно из двух: или оно есть, или его нет...

Входит Широков – рослый, загорелый, слегка сутуловатый. Одет небрежно: грязные ботинки, подвернутые внизу старые брюки и хороший новый пиджак с набитыми всякой всячиной карманами. В руках у него удочки и полная рыбы авоська. Он чуть заметно навеселе.

Скажи-ка, рыболов, как, по-твоему, – нужно газетчику чутье или ему нужен только диплом о высшем образовании и любовь месткома за хорошее поведение?

Широков (вешая авоську на спинку скамейки). Любовь месткома – вещь полезная, но чтобы ее заслужить, нужно иметь хорошее поведение, которого у нас с тобой нет, так же как и достаточного образования. Остается ссылаться на чутье, что, как я вижу, ты и делаешь... (Санникову.) Сережа, говорил вам Николай Борисович, что газетчик умирает в пятьдесят?

Санников (нерешительно). Говорил...

Широков. Не верьте ему! Он преспокойно доживет до восьмидесяти.

Черданский (усмехнувшись). Откуда столь точные сведения?

Широков. Чутье бывшего фронтовика. Такие люди, как ты, не любят умирать раньше других.

Черданский. А такие, как ты?

Широков. А такие, как я, любят выпить по воскресе-

ням, в особенности если рыбалка, да такая хорошая, как сегодня. Такие, как я, предпочитают молча сидеть над поплавком (*подмигнув Санникову*), чем делиться с молодыми людьми своим незаконченным гимназическим образованием.

Санников (*с неожиданной решимостью*). По-моему, Василий Степанович, не только мне, но и вам еще есть чему поучиться у Николая Борисовича! (*Встает.*)

Широков (*миролюбиво*). А я уже. (*Кивнув на Черданского.*) У него ведь курс обучения годичный. За год все, что знает, расскажет, а потом все с начала – как шарманка! (*Черданскому.*) Верно я говорю?

Черданский. С рыбаками выпивал?

Широков (*добродушно*). Уха была!

Смерив Широкова уничтожающим взглядом, Санников уходит.

Черданский. Нашел при ком показывать свое остроумие!

Широков. А я нарочно. Дай, думаю, подорву твой авторитет, а то еще забьешь мальчишке мозги всякой чепухой... Хочешь, скажу, как по нотам, все, что ты ему говорил? Что газета у нас скучная. Что тебя не ценят. То ли дело было раньше – во время оно! И заголовки были гениальные и редактора отчаянные. А теперь все не так. Только ты один такой зубр остался. Вымираешь, вымираешь, и все никак не вымрешь!

Входит Тамара Филипповна в летнем, очень ярком платье, с книгой в руках.

Черданский. Присаживайтесь, Тамара Филипповна.

Тамара Филипповна. Я, если вы успели заметить, после обеда всегда стою. Хотела поболтать с нашими редакционными девушками, но они (*иронически*) предпочитают волейбол.

Широков (*встает*). Необразованность, Тамара Филипповна.

Тамара Филипповна. Несмотря на вашу иронию, вы не так уж далеки от истины.

Широков. Что вы читаете?

Тамара Филипповна. Метерлинка. (*Хочет показать Широкову книгу, но раздумывает.*) В подлиннике – по-французски. (*Удаляется.*)

Широков. Второй год читает и, по-моему, всегда посредине, чтобы держать было удобней. Ох, смерть не люблю интеллектуальных дам! И чего только она у тебя в секретаршах застряла?

Черданский. Ничего удивительного. Приехала в эвакуацию, интеллигентный человек, я ее немножко знал еще по Ленинграду. Образования у нее не отнимешь...

Широков. И отнимать нечего – обыкновенная малограмотная гусыня. Наверное, ходит вокруг тебя, хлопает крыльями и гогочет – вы, Николай Борисович, у нас единственный интеллигентный человек, разве вас здесь понимают?

А ты и таешь!

Черданский. Ладно, пусть таю. А что, положи руку на сердце, разве меня здесь ценят? Почему Брыкин, у которого газетный опыт – вот! (*показывает пальцами, какой маленький опыт у Брыкина*) – и сразу из партийной школы в заместители редактора, а я, горбом дослужившись до ответственного секретаря, все еще не утвержден обкомом? Третий год исполняю обязанности!

Широков. Так у тебя же два выговора было.

Черданский. Было, да сплыло. Не ошибаются только бездельники!

Широков. Ну, значит, теперь утверждают. Чего ты расстраиваешься?

Черданский. Мне утверждение не для денег и не для славы нужно. А чтобы Брыкин перестал меня цукать, как маленького, чтобы я тоже мог, в случае чего, по столу кулаком!

Широков. Зря ты так о Брыкине. Газетчик он, конечно, еще молодой, но замначполитотдела дивизии был замечательный!

Черданский. Еще бы! Забыл, что вы дружки-приятели. Нашел, кому жаловаться!

Широков. Дружки – дружками, а за газету он неплохо взялся, гвоздит с утра до ночи.

Черданский. Гвоздит, да не туда! Если бы не я – в два счета засушил бы газету. Или превратил бы ее вместе с Крыловой в сплошной почтовый ящик для читательских писем!

Широков (*улыбнувшись*). Не любишь отдела писем?

Черданский. Зато ты кое-кого там слишком любишь.

Широков. Эй, полегче на поворотах!

Черданский. Ты лучше ей, дорогой твоему сердцу Веры Ивановне, скажи, чтобы она полегче на поворотах. А то она мне по твоему же фельетону такое письмо предъявила... Не женщина – следователь!

Широков. А в чем дело-то?

Черданский. Ни в чем. В чепухе. Не хочу об этом сегодня – все-таки воскресенье. Скажи лучше, как у тебя с ней роман подвигается? Или похвастать нечем?

Широков. Хвастать такими вещами не приучен.

Черданский. Значит, нечем! (*Оглядывается.*) Вон Акопов идет! (*Кричит.*) Эй, партийное руководство, иди поближе к массам!

По аллее шагает Акопов, грузный, медлительный брюнет в плотном черном костюме; в руках у него гитара.

Акопов. Черт его знает! Наверное, тут или повар, или сторож играет. Каждый выходной настраиваю, и всегда опять расстроена. (*Подвинчивает колки.*)

Широков. Ну, что ты опять в черном?

Акопов. Север, милый!

Широков. Север-то север, да ведь жара.

Акопов. Значит, привычка, милый, жена приучила. Встаю утром в воскресенье – а он уж висит выглаженный, неудобно не надеть. (*Пробует струны.*) Все-таки, наверное,

повар. Он, по-моему, здесь главный ухажер.

Черданский. А ты, ухажер, тоже собираешься, кажется, играть?

Акопов. Да. И петь буду. Наши девушки просили после ужина.

Черданский. А что жена скажет?

Входит Анна Аветиковна. Она, как и Акопов, полная, черноволосая, с неторопливыми движениями. Сев рядом с мужем на скамейку, обнимает его одной рукой.

Анна Аветиковна. А я ему ничего не скажу. Он все равно для меня поет.

Акопов. Спеть? *(Делает вид, что хочет стать на одно колено.)*

Анна Аветиковна. Не надо! Ты же у меня старый, потом задыхаться будешь.

Акопов легко встает на одно колено, берет аккорд.

Ну, сядь, пожалуйста!

Акопов садится.

Черданский *(с улыбкой)*. Да-с, любовь-с!

Анна Аветиковна. И не «да-с», и не «с», а остальное верно. *(Разглядывая Широкова.)* Что это у вас вид невыспавшийся?

Широков. Рано встал. Сейчас пойду, примощусь где-нибудь и сосну часок дополнительно. Люблю поспать. Хорошо это или плохо, Анна Аветиковна?

Анна Аветиковна. Хорошо. Константин Акопович все-

гда, когда может, спит после обеда.

Широков. А раз Константин Акопович так делает, стало быть, это и вообще хорошо?

Анна Аветиковна. Конечно.

Широков. А почему вы Константина Акоповича заставляете по воскресеньям этот черный костюм надевать?

Анна Аветиковна. Потому что я его в другие дни мало вижу. Пусть при мне в воскресенье ходит в парадном костюме.

Широков. А если жарко?

Анна Аветиковна. Ничего, пусть терпит.

Широков. Правильный вы человек, Анна Аветиковна.

Анна Аветиковна. Конечно.

Широков (*перевесив авоську с одного конца скамейки на другой, ближе к Акоповой*). Прошу принять в знак моих чувств рыболова и человека. А авоську пришлите завтра с Константином Акоповичем, она чужая. (*Уходит.*)

Анна Аветиковна (*после молчания*). Хороший человек.

Черданский. Неплохой, но, как бы сказать... бесцельный. Спросите его, чего он хочет? Ничего он не хочет. До войны – разъездной корреспондент. С войны вернулся – опять разъездной корреспондент. А ведь три ордена получил за войну. Мог бы и двинуться! (*Взмахом руки изображает лестницу.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.